

Вэнь Ци обладал душой на редкость беспечной и умом до того неторопливым, что даже спустя полдня так и не заподозрил в своем спасителе ничего дурного.

Или же его просто ослепила жажда наживы? В конце концов, для того, кто привык прозябать в нищете, нет зверя страшнее бедности. Су Цзюгуй сейчас казался ему краше любого небожителя — лишь бы не являл свое истинное демоническое нутро и не пытался сожрать его живьем.

Вэнь Ци рассудил так: Сяобай заметил разорение их дома и потому предложил выкупить усадьбу, решив избавить его от неминуемой гибели. Тот ведь ни разу не спросил напрямую, сводит ли семья концы с концами, а просто вручил увесистый мешочек с золотом. Подобное благородство затмевало всех мнимых друзей, с которыми Вэнь Ци привык водиться. Когда скончалась его матушка, он безуспешно обивал пороги, пытаясь занять хоть немного монет на достойные похороны, но везде наткнулся на глухую стену равнодушия. Какая разница, лисий ли он оборотень или какая другая нечисть? Любая тварь сейчас казалась преданнее и чище тех ничтожеств, которых он прежде звал друзьями.

— Вы и впрямь истинные благодетели нашей семьи, — растроганно выдохнул Вэнь Ци.

Одной рукой сжав мешочек с золотом, другой он протянул Сяобаю бумаги на дом:

— Брат Сяобай, отныне ты полноправный хозяин этой усадьбы.

Сяобай перехватил тонкий лист бумаги двумя пальцами и победно вскинул брови, бросив на Су Цзюгуя выразительный взгляд. Во всем его облике сквозило ребяческое хвастовство: «Ну что, каков я? Хорош ведь?»

Су Цзюгуй лишь молча подивился его простоте. Всю свою жизнь он имел дело с проницательными мужами, способными по первому слову разгадать десяток скрытых смыслов. С подобным недотёпой ему довелось столкнуться впервые.

Вэнь Ци же, казалось, сознательно прятал голову в песок: ему было глубоко безразлично, какая именно нечисть перед ним стоит. Быстро передав все права на землю и дом, парень суетливо достал из сундука две чистые смены одежды.

— Вот, если не побрезгуете простым платьем, переоденьтесь в сухое. С остальными бумагами разберемся, как вернусь. Сейчас мне недосуг, дело не ждет. Располагайтесь как дома, ни в чем себе не отказывайте, а я побежал отдавать долги!

Торопясь поскорее разделаться с кредиторами, он прижал к груди золото и вихрем вылетел со двора. Су Цзюгуй не стал его останавливать. Наверняка за порогом Вэнь Ци первым же делом услышит о пожаре в Мастерской Цицяо. Интересно, как он тогда запоет?

Как только шаги юноши затихли вдали, Сяобай небрежно спрятал бумаги в рукав. Будучи духом древнего зверя, он не питал ни малейшего почтения к человеческим жилищам.

— Даже не знаю, — протянул он, — то ли этот парень мудр до крайности, скрывая это за простодушием, то ли и впрямь глуп непроходимо.

— Это благословение, — мягко возразил Су Цзюгуй. — Чистому сердцу открывается более широкий взор. Такие люди не терзают себя напрасными сомнениями и не ведают бремени былых привязанностей. Жаль лишь, что прежде он сбился с пути. Если в будущем ему удастся изжить в себе эту кабацкую удаль, кто знает, каких высот в самосовершенствовании он сумеет достичь.

Сяобай лишь неопределенно хмыкнул. В его глазах новый знакомый так и остался обыкновенным простаком.

— Откуда у тебя такое богатство? — поинтересовался Су Цзюгуй, прекрасно помня, чье золото только что перекочевало в карман должника.

— Сбережения на женитьбу, — не моргнув глазом, отозвался Сяобай. — Копил на будущую жену.

Су Цзюгуй шутливо отвесил ему легкий подзатыльник.

— Слишком мал ты еще, чтобы о женитьбе помышлять.

Сяобай прищурился и, не отводя пристального взгляда от лица собеседника, упрямо возразил:

— Вовсе не мал.

Ему перевалило за триста лет — возраст вполне почтенный для того, чтобы обзавестись супругой. Да и с виду он ничуть не уступал тому же Вэнь Ци, и лишь один Су Цзюгуй упорно продолжал видеть в нем несмышленного ребенка.

Су Цзюгуй не стал развивать спор:

— Что ж, когда решишь остепениться, я сам сосватаю тебе достойную невесту.

На этот раз юноша промолчал. Он лишь молча провожал Су Цзюгуя взглядом, пока тот уходил в глубь дома, не замечая устремленного ему в спину взора.

— А ведь жениться я хочу на тебе... — едва слышно выдохнул Сяобай.

Слова эти прозвучали столь тихо, что он и сам себя едва ли расслышал.

Дом пустовал. Оказавшись в тишине, Су Цзюгуй наконец-то смог сбросить промокшее до нитки платье. С самого момента пробуждения он только и делал, что спасал свою жизнь и лишал ее других, и лишь теперь, в стенах этой скромной обители, обрел временный приют. Появилась и долгожданная минута, чтобы рассмотреть свое новое обличье.

Как только тяжелое мокрое одеяние соскользнуло с плеч, из-под подола показался длинный пушистый хвост. Он мягко опустился на пол позади него. Этот хвост словно жил собственной, отдельной от хозяина жизнью: стоило Су Цзюгую опустить на него взгляд, как кончик лениво дрогнул и вильнул из стороны в сторону.

Для практика его уровня вопросы телесной красоты или уродства давно утратили всякий смысл, но вот хвост... Хвост заставил его замешкаться. Ему впервые довелось примерить на себя шкуру демона и на собственном опыте познать, каково это — иметь лишнюю конечность. Су Цзюгуй осторожно перехватил его ладонью: хвост оказался неожиданно тяжелым и густым. Огненно-рыжий мех пушился, и лишь на самом кончике белела аккуратная отметина.

Сие брненное тело изначально создавалось на потеху чьим-то извращенным вкусам, так что присутствие лисьего хвоста не должно было удивлять. И все же это зрелище невольно всколыхнуло в его памяти образ собственного непутевого ученика.

Когда Чжубай только-только проклюнулся из яйца, его переполняла столь буйная, необузданная первозданная сила, что он долго не мог совладать с человеческим обликом. День-деньской малец носился по склонам горы Великой Чистоты, упрямо таща за собой непослушный драконий хвост. Гора Великой Чистоты славилась своей строгой приверженностью приличиям и благочинию; то, что старейшины вообще дозволили держать в обители дракона, уже граничило с немыслимой уступкой. А метания Чжубая с неприкрытым хвостом по строгости устава приравнивались к беготне нагишом перед почтенными даосами.

На горе Великой Чистоты обитали исключительно затворники-люди. Ни один из них не ведал, как воспитывать демоническое отродье, а уж тем более — истинного дракона. Во всем ордене не нашлось ни единой души, желающей взвалить на себя заботу о приемыше, кроме самого Су Цзюгуя. Его шишу тогда лишь беспомощно развел руками и с кислым лицом изрек: «Ты его притащил, тебе с ним и возиться».

Так Чжубай и остался на его попечении. Прежде Су Цзюгуй безмятежно нес стражу на краю Поглощающей Бездны, не связывая себя мирской кармой, но появление маленького белого дракона перечеркнуло прежний покой. Отныне он был вынужден заботиться о нем, точно о родном сыне.

Он воспитывал ученика в строгости и никогда не жаловал окружающих приветливой улыбкой. Младшие адепты за версту обходили грозного гения Горы Великой Чистоты, страшась его

сурового нрава. И лишь глупый драконыш ни капли его не боялся.

Будучи праведным даосом, Су Цзюгуй сутками напролет просиживал в Павильоне Свитков, изучая трактаты о демонических искусствах. Он перерыл горы чуждой его вере литературы лишь для того, чтобы хоть чему-то обучить своего бестолкового, ленивого воспитанника.

От рождения до первого человеческого облика у Чжубай ушло три месяца. Меньше чем за полгода он вытянулся и принял вид ладного подростка, однако затем его рост словно замер. Даже столетие спустя он по-прежнему выглядел как юнец. Облаченный в белоснежные одежды, он повсюду волочил за собой массивный, похожий на ствол молодого деревца белый хвост. Тот был настолько крепок, что дракон мог опираться на него при ходьбе, а покрывавшие его чешуйки слепили глаза жемчужным блеском.

Мальчишка долго и мучительно бился над тем, чтобы скрыть эту деталь, но все труды шли прахом. Су Цзюгуй тогда потешался над ним: мол, как же так, великий небесный дракон, а с собственной бесхитростной плотью совладать не может.

В ответ Чжубай лишь надувал губы и обиженно кричал:

— Не получается у меня, и всё тут!

Временами ученик и вовсе опускал руки. Обычной нечисти хватало трех лет, чтобы полностью освоить искусство преобразования, ему же не помогали никакие усердия. Су Цзюгуй тогда и сам не на шутку встревожился. Сколько бы древних книг он ни листал, толку не было: сам он демоном не родился и понятия не имел, каково это — управлять хвостом.

— Попробуй поднапрячься, — советовал он.

— Да как поднапрячься-то?! — сердился Чжубай.

Не имея ни малейшего представления о природе чужого тела, Су Цзюгуй горазд был лишь на нелепые советы:

— Ну... попробуй втянуть его в себя?

Чжубай сперва хотел разразиться колкостями в адрес столь «мудрого» наставления, но, упревшись взглядом в строгое лицо учителя, все же неохотно подчинился. Спустя время, за которое успела бы догореть ароматическая палочка, лицо мальчишки сделалось пунцовым от натуги. Хвост при этом даже не дрогнул. Не выдержав, драконыш вскипел:

— Не буду больше! Сил моих нет!

Стоило Су Цзюгую открыть рот, чтобы утихомирить упрямца, как тот выпалил:

— Ты сам человек! С чего ты взял, что можешь учить демона? Раз ты такой умный, сам попробуй хвост спрятать!

Су Цзюгуй, к тому времени давно отрекшийся от мирских страстей и почитавший себя свободным от гнева и обид, от этих дерзких слов едва не потерял самообладание.

— Будь я на твоём месте, — отчеканил он тогда, — я бы справился в сто крат лучше.

Услышь этот разговор кто-то из посторонних, у него наверняка отвисла бы челюсть: великий Бессмертный почтенный Юньцзи препирался с ребенком, точно неразумный юнец.

Су Цзюгуй так и не узнал, как именно его ученику удалось совершить невозможное. В один прекрасный день Чжубай просто пришел в себя и перестал подметать хвостом полы обители. Он бесцеремонно распахнул окно в его покои, запрыгнул внутрь и с победным видом провозгласил:

— Гляди, сам додумался! Ну что, съел?

Судьба сыграла с ним злую шутку: теперь он сам обратился в лиса. Попадись он сейчас на глаза Чжубаю, тот хохотал бы три дня и три ночи напролет, а после — исписал бы насмешками все отвесные скалы Горы Великой Чистоты. Ученик костями бы лег, лишь бы растрезвонить на всю Поднебесную, что у его величавого наставника вырос пушистый хвост.

Прежние грехи вернулись к нему сторицей. Огненный хвост плавно покачнулся в воздухе, словно соглашаясь с его мыслями. Лишенный золотого ядра, Су Цзюгуй понимал: до полного подчинения этой плоти ему еще далеко. Кто бы мог подумать, что после перерождения его первой преградой станет собственный хвост. Только научившись скрывать его, он сможет назваться настоящим демоном.

Су Цзюгуй горько усмехнулся. Выходило, что сейчас он уступал в умении даже собственному ученику. Закончив переодеваться в сухое — демоническая плоть сохла куда быстрее человеческой, — он затянул на поясе широкий кушак, все еще храня на лице тень прежней улыбки.

Обернувшись, он обнаружил в дверях Сяобая. Тот проигнорировал скромное платье, предложенное Вэнь Ци, и облачился в белоснежные одеяния неведомого происхождения. В этом наряде он казался совсем юным и невинным.

Сяобай замер на пороге, залюбовавшись открывшейся картиной. Су Цзюгуй стоял перед ним в простом холщовом платье, из-под которого свободно струился пушистый лисий хвост. Сяобай полагал, что это уродство вызовет у гордого бессмертного прилив ярости, но тот отнесся к

новой детали на удивление спокойно, позволив ей жить своей жизнью.

— О чем смеется гэгэ? — любопытствовал Сяобай.

— Да так, вспомнилось былое, — отозвался Су Цзюгуй.

— Что-то забавное?

Су Цзюгуй на мгновение умолк, а затем кивнул:

— Пожалуй, да.

За тысячу лет его аскетического пути этот маленький белый дракон был, пожалуй, единственным светлым и по-настоящему живым воспоминанием.

Сяобай тихонько хмыкнул, но в глазах его затеплилась неподдельная радость. Ему было неизвестно, какие именно картины пронеслись в мыслях старшего, но чужая улыбка неизменно согревала его собственную душу.

Набросив сверху просторное верхнее платье, Су Цзюгуй надежно укрыл хвост от посторонних глаз. Покончив с этим, он присел на край ложа и раскрыл ладонь. На его бледной коже покоилась тускло мерцающая золотая сфера — Золотое ядро Ло Цяоцяо. Сяобай, доселе не подозревавший о наличии у него этой находки, удивленно вскинул глаза:

— Золотое ядро Ло Цяоцяо?

Су Цзюгуй коротко подтвердил его догадку. Сяобай лишь диву давался — когда только тот успел незаметно извлечь ядро? После гибели любого демона его золотое ядро необходимо уничтожить либо запечатать. Оставленное без присмотра, оно неизбежно начинает источать ядовитые испарения, рождая губительную миазму, способную отравить все живое в округе.

Любой праведный заклинатель, сразив тварь, первым делом забирал ядро с собой, дабы уберечь мир от скверны, а после искал надежный способ избавить от него землю. Но для умирения подобной силы требовались особые печати и защитные барьеры, коих у Су Цзюгуя не было и в помине. Изменив своей человеческой природе, он по-прежнему продолжал мыслить категориями даосского жреца.

Сяобай намеревался предложить помощь — извлеченное накануне Золотое ядро грозило обратиться ядом уже через трое суток, что сулило немало хлопот. Но стоило ему приоткрыть рот, как он заметил странное выражение лица Су Цзюгуя. Тот смотрел на золотую бусину с пугающей, непреодолимой... жаждой.

Кончик его розового языка на миг скользнул по острому лисьему клыку. Это мимолетное движение не укрылось от зоркого взора Сяобая. Су Цзюгуй смотрел на чужую силу так, как изголодавшийся упырь смотрит на свежую кровь. Новое тело лиса еще не успело взрастить собственное Золотое ядро, но зачем ему понадобилось чужое?

Золотое ядро перекатилось по раскрытой ладони, словно семечко, отчаянно ищущее благодатную почву для укоренения. Су Цзюгуй алкал этой силы, но и сама сила стремилась к нему навстречу.

— Постой... — сорвалось с губ Сяобая.

Но было поздно. Внезапно из золотой сферы проросли шесть тонких, похожих на паучьи лапки отростков. Подобно золотому насекомому, Золотое ядро стремительным броском вонзилось прямо в плоть его ладони. Все произошло в долю секунды — Сяобай даже не успел вскинуть руку для преграды. Сфера бесследно растворилась под кожей, уйдя глубоко внутрь тела, откуда извлечь ее теперь не представлялось возможным.

Сяобай застыл, боясь пошевелиться. Су Цзюгуй слегка вздрогнул, медленно поднимая ресницы. Взгляд его оставался кристально чистым. На его лице не отразилось ни тени страданий. Напротив, в чертах проступило глубокое, почти хищное удовлетворение, какое бывает у сытого зверя.

Он поглотил его? Неужели это тело действительно способно пожирать чужую духовную сущность?

<http://bllate.org/book/18298/1755122>